

А. Л. Гуринская

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУРОВОСТИ НАКАЗАНИЯ
У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН:
РОЛЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ
И ОПЫТА ВИКТИМИЗАЦИИ**

Социальные установки преподавателя играют определенную роль в образовательном процессе. Они могут оказывать влияние на представления будущих профессионалов о должном, их правовую культуру и правосознание. В статье дается анализ установок (аттитюдов) преподавателей дисциплин уголовно-правового цикла в отношении наказания. На основе проведенного эмпирического исследования аттитюдов делается вывод о том, что они обусловлены теоретическими представлениями о природе преступности, возрастом, а также опытом виктимизации. Преподаватели более старшего возраста, а также те, кто предпочитает позитивистские объяснения причин преступности и не имеет опыта столкновения с преступлениями в качестве жертвы, придерживаются менее репрессивных установок.

Ключевые слова: социальные установки, измерение аттитюдов, правовая культура, теория причинности, наказание, репрессивность.

A. Gurinskaya

**CRIMINAL JUSTICE FACULTY ATTITUDES TOWARDS PUNISHMENT:
THE ROLE OF ATTRIBUTIONS OF CRIME
AND VICTIMIZATION EXPERIENCE**

Values of faculty members play a significant role in education process. They determine future professionals' normative attitudes, their legal culture and legal consciousness. The article explores criminal justice faculty attitudes towards punishment. Using a sample drawn from national criminal law conference participants, we conclude that these attitudes are influenced by one's understanding of the sources of crime, age and victimization experience. Older faculty members, as well as those who prefer positivist explanations of crime and who have not been victims of crime are less punitive.

Keywords: faculty values, legal culture, attribution theory, punishment, punitiveness.

Исследование социальных установок личности, изучение особенностей измерения аттитюдов, влияния аттитюдов на поведение индивидов является самостоятельным разделом социальной психологии. Данное исследовательское направление часто обращается к рассмотрению установок разнообразных социальных групп, в том числе молодежи. Установки же преподавателей реже попадают в орбиту интереса ученых. Вместе с тем нельзя недооценивать то воздействие, которое эти установки оказывают на формирование и изменение аттитюдов студентов, которые на протяже-

нии нескольких лет обучения в высшем учебном заведении активно взаимодействуют в аудитории с преподавателями. Установки преподавателей направления «Юриспруденция» в отношении проблем наказания ранее вообще не были предметом исследовательского анализа в России.

Современное уголовное, уголовно-исполнительное законодательство, законодательство о профилактике преступлений является продуктом кардинального изменения постсоветского общества, его экономической и политической системы. Процесс реформ до настоящего времени еще не

завершен, о чем свидетельствуют многочисленные изменения, вносимые в УК РФ и другие кодексы, принятие стратегий реформирования уголовно-исполнительной системы, обеспечения безопасности граждан от преступных посягательств. На пути совершенствования уголовной политики постоянно возникают новые вызовы, связанные как с появлением новых угроз криминального характера, так и с возникновением глубоких кризисных явлений в таких традиционных институтах, как, например, институт уголовного наказания.

«Кризис наказания» — явление, характерное не только для российской ситуации, но и отмечаемое во всем мире. В одних странах (Скандинавия) движение аболиционистов поспособствовало существенному снижению числа заключенных, отказу от длительных сроков лишения свободы, смягчению условий содержания осужденных. В других (США, Великобритания) кризис лишь нарастает и приводит к появлению феномена «массового тюремного заключения», переполненности тюрем, росту насилия и ущемлению прав заключенных. В России пенитенциарная политика не является последовательной (за исключением курса на сокращение числа заключенных) и, в отличие от советской политики, за реформами не обнаруживается принципиально нового видения целей функционирования института наказания.

Профессиональное становление советского поколения ученых — специалистов в области преступления и наказания происходило в условиях признания исправительного потенциала существовавшей пенитенциарной системы, размеры которой являлись рекордными в мире. На смену этому поколению приходят молодые юристы, чьи ценностные ориентации и установки определяются, с одной стороны, новыми социальными обстоятельствами. С другой стороны, их профессиональные взгляды во многом обусловлены теми знаниями и установками, которые были получены в

аудитории, во взаимодействии с преподавателями. Образовательный процесс предполагает не только формирование у студентов компетенций, связанных с овладением практическими навыками нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной, экспертно-консультационной деятельности, но также и с развитием правосознания, правового мышления и правовой культуры. Их необходимым аспектом являются представления о целях уголовно-правового воздействия на преступность, о сущности и функциях наказания.

Процесс формирования общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций будущих специалистов сложен и рассматривается в трудах специалистов в области педагогики и социальной психологии. Одним из компонентов этого процесса является взаимодействие с преподавателем на лекциях, семинарских занятиях, в ходе других форм реализации образовательного процесса. Такое взаимодействие, как указывают специалисты, влияет на формирование системы ценностей будущего специалиста [3, с. 75]. Безусловно, студент не является пассивным реципиентом той информации, которая поступает к нему извне, а активным участником образовательных отношений, чьи мотивы, интересы, личный опыт также оказывают воздействие на иных субъектов образовательных отношений, включая преподавателей [3, с. 75]. Вместе с тем ценностные установки педагога играют определенную роль в становлении будущего профессионала и формируют его представления о должном, которые в дальнейшем будут определять его профессиональную идентичность.

Целью настоящей работы является выявить наличие у преподавателей в области уголовно-правовых дисциплин определенных установок (аттитюдов) в отношении суровости наказания, а также определить, насколько эти установки обусловлены их представлениями о природе преступности,

страхом перед ней и опытом виктимизации. Следует сразу оговорить, что в настоящей работе не делается вывод о том, что представления преподавателя с неизбежностью сформируют представления его учеников. Нам не встречались работы, которые бы демонстрировали связь между установками преподавателей в отношении наказания и аналогичными установками у их студентов. Кроме того, сами исследования репрессивных настроений среди профессорско-преподавательского состава являются редкостью, в отличие от изучения настроений широкой публики, а также практиков. Неоднократно за рубежом проводились и исследования правовой культуры студентов, в том числе такого ее аспекта, как отношения к наказанию.

Ряд работ показывают, что студенты, специализирующиеся в области уголовной юстиции, придерживаются более репрессивных взглядов, чем студенты иных специальностей [15, с. 423; 21, с. 526]. С другой стороны, исследование Э. Ламберта демонстрирует, что повышенная степень суровости не является следствием изучения криминологической проблематики. Объяснение автора сводится к тому, что те студенты, которые изначально придерживаются взглядов о необходимости строгих наказаний, чаще выбирают специальности, связанные с работой в правоохранительной системе [14, с. 245]. Дополнительным свидетельством этого эффекта является и то обстоятельство, что степень репрессивности не повышается с увеличением числа прослушанных курсов по уголовно-правовой и криминологической тематике (которые доступны и студентам, не специализирующимся в данной области), а вот специализация связана с уровнем карательных настроений студентов [19, с. 1]. Однако в исследовании Д. Фалко и Дж. Мартина, напротив, было выявлено, что студенты-криминологи менее репрессивны, к тому же к концу обучения они придерживаются более мягких взглядов, чем на первых кур-

сах [11, с. 205]. В этой работе также демонстрируется, что репрессивность зависит от идеологических предпочтений студентов, а также их приверженности той или иной группе теорий, объясняющих истоки преступного поведения (классической, структурно-позитивистской или же конструктивистской). Значение идеологических факторов подчеркивается и в работе Х. Таджали и его коллег [22, с. 339]. Таким образом, несмотря на существенное число исследовательских работ, вопрос о степени и детерминантах карательных настроений студенчества остается открытым.

В настоящей работе мы рассмотрим, какие факторы в криминологической литературе традиционно связывают с предпочтением суровых наказаний (репрессивностью), а затем на основе полученных нами эмпирических данных продемонстрируем, какие из этих факторов влияют на одобрение суровых мер воздействия специалистами в области уголовного права и криминологии в России.

Концепция «репрессивности»

Понятие «репрессивность» не имеет однозначного определения. В криминологической литературе отсутствует консенсус относительно того, как именно следует измерять степень репрессивности, и от чего зависит предрасположенность к жестким мерам в уголовной политике. Анализ эволюции института наказания свидетельствует о том, что жестокие формы карательного воздействия на нарушителя закона лишь недавно по историческим меркам стали сменяться более гуманными, предполагающими не расправу над индивидом, но его реформирование. Эмиль Дюркгейм указывал, что предназначением репрессивного наказания является укрепление социальной солидарности, целостностей общественных связей [2]. Жесткие меры воздействия позволяют выразить то отвращение, которое общество испытывает по отношению к преступнику. Но его страдание не бес-

смысленно, оно утверждает социальный порядок, является символом сплоченности общества. На протяжении XX в. тенденции гуманизации наказания, обращения в ряде стран к идеям аболиционизма, восстановительной юстиции сопутствуют расширению репрессивного аппарата в других странах. Это расширение происходит на фоне его резкой и достаточно консолидированной критики криминологами, но при кажущемся одобрении широкой публики. Ученые пытаются объяснить, почему граждане вновь жаждут мести и почему политики оказываются вовсе не против эту жажду утолить [20]. Спустя столетие после Дюркгейма Э. Карвальо и А. Чемберлен вновь задаются вопросом, почему наказание, демонстрирующее, как институт, свою неэффективность, приносит гражданам удовольствие [6, с. 217]. Следуя традиции своего предшественника, они утверждают, что наказание служит цели поддержания солидарности, но особого типа — основанного на враждебности.

Криминологов интересует вопрос не только о том, какие наказания «народ» воспринимает как справедливые и необходимые, но и насколько люди в целом склонны придерживаться мнения о необходимости сурового обращения с преступниками. Когда речь шла об измерении самого понятия репрессивности, то в имеющихся исследованиях, как правило, эта черта связывалась с одобрением одного или совокупности решений в области уголовной политики и уголовной юстиции. Наиболее часто одним из компонентов «репрессивности» считается одобрение смертной казни: ее сохранения в качестве одного из видов наказания, расширения его применения или же возврата в уголовное законодательство в случае предшествующей отмены. С другой стороны, репрессивность измеряется как поддержка такой цели наказания, как кара и ее предпочтение цели ресоциализации. Также репрессивность связана с одобрением суровых мер

наказания — длительных сроков лишения свободы, жестких условий содержания осужденных. Критика судебной системы за излишнюю мягкость по отношению к нарушителям закона, а также уголовно-процессуального законодательства в целом за то, что оно в большей степени защищает права обвиняемого, нежели потерпевшего, также является одним из симптомов репрессивного настроения.

В обзорной работе Дж. Каллена и его коллег подчеркивается, что американские граждане в целом придерживаются достаточно репрессивных взглядов, однако эти установки не одинаковы в отношении разных типов правонарушителей и подвержены воздействию иных факторов [8, с. 8]. Так, граждане готовы поддержать суровые меры в отношении насильственных преступников, а также в тех случаях, когда они не видят никакой замены традиционным формам наказания. Если же в качестве альтернативы предложить иные меры, которые пошли бы на благо жертвам, правонарушителю, местному сообществу, то граждане будут готовы их поддержать. Идеи о реабилитации нарушителей закона, перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей популярны среди американской публики, несмотря на то что уголовная политика сориентирована скорее на жесткие карательные меры, широкое применение тюремного (в том числе — пожизненного) заключения, сохранение смертной казни в качестве возможного наказания.

Детерминанты карательных настроений: обзор литературы

Вопрос о детерминантах карательных настроений граждан активно изучается с 1970-х гг. Всплеск интереса к этой теме в англоязычной криминологической литературе связан с тем, что с этого периода в уголовной политике США и Великобритании отмечается резкий поворот в сторону ужесточения уголовной политики и расширения применения наказания [1, с. 7]. За

прошедшее время были разработаны несколько теорий, объясняющих, от каких факторов зависит желание граждан покарать правонарушителей как можно строже. Одной из первых была выдвинута идея о том, что суровость связана с тем, что граждане воспринимают преступность как серьезную угрозу, опасаются за свою жизнь и сохранность своего имущества, а также имеют опыт виктимизации, то есть или сами были жертвами какого-либо преступления, или же близко знакомы с жертвами. В работе М. Костело и его коллег показано, что страх перед преступностью приводит к росту карательных настроений среди небелых респондентов, а озабоченность состоянием безопасности — среди белых [7, с. 25]. Степень карательности белых респондентов — жертв преступлений не была выше, чем у тех, кто не сталкивался с преступностью лично, но повышалась у афроамериканцев и латиноамериканцев [7, с. 25].

Другая теория, появившаяся также на заре исследований карательности, предполагает, что отношение к наказанию напрямую связано с тем, что граждане думают о природе преступности. Криминологами за период существования этой науки было выдвинуто множество теорий, объясняющих причины преступности. Однако все эти теории можно условно разделить на две большие группы. Первая группа теорий берет корни в идеях классической школы криминологии и утверждает, что преступление является продуктом свободного выбора индивида, результатом реализации свободы воли. Из положений этой теории вытекает идея о том, что наказание может обладать сдерживающим эффектом, а его суровость, пропорциональная правонарушению, выступает в качестве своеобразной платы за совершенное преступление. Другая группа теорий появилась в развитие идей Ч. Ломброзо, который считал преступное поведение врожденным свойством индивида. Идеи Ломброзо, хотя и были

отвергнуты последующими учеными, заложили основу позитивистской криминологии. Позитивисты полагают, что преступник совершает преступление не потому, что таков его выбор, а потому, что на него воздействуют многочисленные обстоятельства, находящиеся вне его контроля. К таким обстоятельствам могут относиться социально-экономические условия его жизни, воспитание, круг общения, психологические особенности его личности. Приверженцы таких теорий видят роль наказания в том, чтобы компенсировать те недостатки жизни индивида, которые привели к совершению им преступления. Наказание необходимо для его ресоциализации, а поэтому суровость нужна лишь до той степени, в которой она будет способствовать трансформации индивида, его исправлению.

Изначально предполагалось, что приверженцы идей неоклассической криминологии должны быть гораздо более сурово настроены, чем детерминисты, поскольку, с точки зрения последних, правонарушитель лишь отчасти несет ответственность за содеянное, вину следует в большей степени возлагать на внешние обстоятельства [25, с. 1]. Однако более поздние исследования показывают, что граждане все же придерживаются смешанных взглядов на природу преступности и склонны одновременно разделять противоположные позиции. Что же касается взглядов на наказание, то они движимы скорее прагматичными соображениями, нежели чем руководствуются логическими выводами, следующими из криминологических теорий [23, с. 431–432]. Вместе с тем в более позднем исследовании Дж. Пиккета и Т. Бейкера было показано, что все же те, кто склонен винить в преступлении правонарушителя, а не социальные условия, в большей степени склонны поддерживать совокупность суровых мер наказания [18, с. 195]. Однако этот эффект ослабевает, когда в модель включаются переменные, связанные с расист-

скими установками респондентов. Нетерпимость к гражданам с другим цветом кожи является не только значимым фактором сама по себе, но также и влияет на объяснительную силу иных факторов: в сравнении с расизмом представления о причинах преступности не так существенно влияют на желание покарать преступника.

Криминологи усматривают также и связь между представлениями граждан об исправительном потенциале наказания и их предпочтением суровых мер воздействия. Убежденность в том, что задачей наказания является не только и не столько кара, а ресоциализация индивида, а также мнение о том, что человека, свернувшего на преступный путь, можно перевоспитать, заставляют отказываться от мнения о том, что наказание должно быть максимально сурово. Как показывают С. Маруна и А. Кинг, вера в способность человека к исправлению значимо влияет на карательные установки [16, с. 7].

Наконец, криминологами были выявлены различные социально-демографические и психологические факторы, связанные с репрессивностью. Настроения граждан меняются с возрастом, они зависят от пола, уровня образования, политических предпочтений, степени религиозности, ощущения существования или отсутствия социальной стабильности, психологических особенностей личности. Например, установлено, что мужчины в большей степени, чем женщины, склонны придерживаться мнения о том, что смертная казнь является легитимным наказанием, а условия лишения свободы должны быть достаточно суровы [4, с. 89]. Кроме того, было выявлено, что репрессивность белых мужчин повышается в том случае, если они воспринимают экономическую ситуацию как нестабильную, видят угрозу своим экономическим интересам, особенно если образовательный уровень и уровень доходов таких мужчин невелики [7, с. 25]. Приверженность определенным видам религиозных взглядов

также способствует формированию карательных настроений [24, с. 304]. В ряде работ изучается влияние идеологических установок на репрессивность. В теории предполагается, что приверженцы правых консервативных взглядов более карательны, чем те, кто относит себя к либеральному лагерю. Исследование Дж. Анневера и его коллег доказало, что в США приверженность консервативным взглядам, а также расистские установки статистически значимо связаны с поддержкой смертной казни и одобрением жестких приговоров [25, с. 1]. Схожее исследование, проведенное в Великобритании А. Кинг и С. Маруна, также показало, что консервативные взгляды приводят к поддержке разнообразных форм усиления наказания [13, с. 147].

В нашей работе мы попытаемся дать ответ на следующие исследовательские вопросы: а) имеется ли взаимосвязь между восприятием серьезности проблемы преступности, а также опытом виктимизации и карательными установками преподавателей? б) имеется ли взаимосвязь между представлениями преподавателей о природе преступности и их карательными установками? в) имеется ли взаимосвязь между мнением преподавателей о возможности исправления правонарушителей и их карательными установками? г) имеется ли взаимосвязь между социально-демографическими характеристиками респондентов (пол, возраст) и их карательными установками?

Настоящее исследование

Для получения ответов на поставленные исследовательские вопросы мы провели анкетный опрос преподавателей дисциплин уголовно-правового цикла (уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право). Анкета содержала вопросы, позволяющие выявить мнение респондентов относительно природы преступного поведения, о необходимости суровых мер наказания. Преподавателям было пред-

ложено оценить ряд суждений по шкале Лайкерта (от 1 до 7), где «1» соответствовало «совершенно не согласен», а «7» — «полностью согласен». В дополнение респондентам было предложено ответить на вопросы, позволяющие выявить их социально-демографические характеристики, опыт виктимизации, а также восприятие ими серьезности проблемы преступности. Опрос проводился на условиях анонимности в Москве на общероссийской конференции по проблемам уголовного права и криминологии (май 2016 г.) и в Санкт-Петербурге на заседании Санкт-Петербургского криминологического клуба (июнь 2016 г.). Всего было распространено 200 анкет, из которых преподаватели

заполнили 118; 7 анкет оказались непригодны для последующей обработки ввиду отсутствия ответов на значительное число вопросов. Таким образом, объем выборки составил 111 человек. Для обработки полученных в результате опроса данных использовалась программа IBM SPSS Statistics. Для ответа на исследовательские вопросы о том, какие факторы влияют на репрессивные настроения преподавателей уголовного права, проводился линейный регрессионный анализ по методу наименьших квадратов.

Характеристики респондентов, а также их ответы на вопросы о состоянии преступности и опыте виктимизации представлены в таблице 1.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов, опыт работы, представление о серьезности проблемы преступности, опыт виктимизации (N = 111)

<i>Переменная</i>	<i>Описание</i>	<i>N (%*)</i>
Возраст (n = 94) Мин — 21, Макс — 82 ср. знач. — 43,2; ст. откл. — 14,3	1 = 35 и моложе	31 (20)
	2 = 36–50	30 (28,6)
	3 = 51 и старше	33 (31,4)
Пол (n = 102)	1 = Женский	56 (53,3)
	2 = Мужской	46 (43,8)
Город (n = 98)	0 = Другой	50 (47,6)
	1 = Москва и СПб	48 (45,7)
Образование (n = 104)	1 = Бакалавр/Магистр	28 (26,7)
	2 = Кандидат наук	46 (43,8)
	3 = Доктор наук	30 (28,6)
Должность (n = 102)	1 = Ассистент / Ст. преподаватель	17 (16,2)
	2 = Доцент	32 (30,5)
	3 = Профессор	33 (31,4)
	4 = Аспирант и др.	20 (19,0)
Число преступлений в городе (n = 103)	0 = Снизилось или не изменилось	52(49,5)
	1 = Увеличилось	51 (48,6)
Безопасность на улицах города (n = 105)	0 = Довольно безопасно	50 (47,6)
	1 = Опасно	55 (52,4)
Представляет ли преступность проблему (n = 101)	0 = Не проблема	33 (31,4)
	1 = Серьезная проблема	68 (64,8)
Виктимизация (n = 95)	0 = Нет	55 (52,4)
	1 = Да	40 (38,1)

* Процент приведен от общего числа опрошенных (N = 111).

В опросе приняло участие в некоторой степени больше женщин, чем мужчин. У нас нет информации о том, каково гендерное распределение преподавателей в области уголовно-правовых наук, в связи с этим нам сложно сказать, насколько по этому параметру выборка является репрезентативной. По возрасту респонденты приблизительно равномерно распределились по трем группам: в возрасте до 35 лет, от 35 до 50 лет, а также старше 50 лет. Половина опрошенных указали, что проживают в Москве или Санкт-Петербурге. Большинство преподавателей имеет ученую степень кандидата (43%) или доктора (29%) наук. Около трети опрошенных занимают должность доцента, еще треть — профессора. 11 человек указали, что преподают криминологию более 25 лет. Подавляющее число респондентов являются сотрудниками гражданских университетов, а около 30% работают в ведомственных вузах. Респонденты примерно поровну разделились при ответе на вопросы об объеме преступности и субъективной оценке безопасности. Так, половина опрошенных высказали мнение, что число преступлений в их городе в последние годы снизилось, также около половины полагают, что находиться на улицах их города ночью достаточно безопасно. При этом 65% респондентов полагают, что преступность представляет серьезную проблему для общества. Около 38% респондентов ответили, что в последние 10 лет они сами или же члены их семьи были жертвой какого-либо преступления.

Зависимая переменная. Карательность (репрессивность) граждан имеет множество способов измерения. Для целей нашей работы нами были использованы вопросы из работ зарубежных исследователей, в частности Ф. Каллена и его коллег [10], Т. Байнума и коллег [5], Э. МакГаррелла и Т. Флэнагана [17] и др. [12]. Шкала «репрессивность» в нашем исследовании состояла из четырех вопросов и отражала

мнение респондентов о необходимости применения суровых наказаний к правонарушителям. Частотное распределение ответов респондентов на вопросы, являющиеся компонентами шкалы, представлено в таблице 2.

Мы осуществили факторный анализ с использованием метода главных компонент с целью описания изменчивости наблюдаемых переменных в терминах ненаблюдаемой переменной, названной фактором «репрессивности». С целью проверки надежности процедуры создания шкалы был проведен тест на надежность. Факторный анализ демонстрирует, что коэффициент нагрузки (корреляции между исходной переменной и фактором) находится в диапазоне выше 0,64 для всех переменных, кроме одной. Однако включение этой переменной в шкалу обосновано теоретическими соображениями, что обусловило решение о сохранении ее в составе шкалы. Альфа Кронбаха составила 0,53. Хотя этот показатель не слишком велик, но все же он свидетельствует о том, что переменные, включенные в шкалу, измеряют концепцию «репрессивность». Результаты факторного анализа также представлены в таблице 2.

Более 70% респондентов высказывают одобрительное отношение к суровым мерам наказания, более 40% не видят необходимости в сокращении сроков лишения свободы и столько же преподавателей полагают, что суровость наказания обладает функцией общей превенции. Вместе с тем они не возражают и против расширения применения наказаний, которые приносили бы пользу местному сообществу. В целом, мы не можем сделать вывод, что преподаватели настроены репрессивно — скорее наши данные говорят в среднем о достаточно нейтральном отношении к наказанию. Высказываясь о необходимости сохранения суровых условий лишения свободы, специалисты в меньшей степени одобряют длительные сроки и видят проблему в отсутствии альтернативных форм наказания.

**Распределение ответов респондентов
по компонентам шкалы репрессивности**

<i>Переменная</i>	<i>Не согласен N (%)</i>	<i>Нейтрален N (%)</i>	<i>Согласен N (%)</i>	<i>Ср. значение (ст. откл.)</i>	<i>Коэфф. нагрузки</i>
<i>Репрессивность</i>					
Наказание не должно быть жестоким или унижающим достоинство, однако условия его отбывания должны быть достаточно суровы	18 (17,6)	12 (11,8)	72 (70,6)	5,2 (1,6)	,48
Применение суровых наказаний к преступникам снизит уровень преступности, поскольку покажет обществу на их примере, что совершать преступления невыгодно	43 (41,3)	18 (17,3)	43 (41,3)	4,0 (1,9)	,82
Сроки лишения свободы должны быть как можно короче, поскольку само по себе лишение индивида свободы — серьезное наказание*	46 (43,4)	21 (19,8)	39 (36,8)	3,9 (1,8)	,64
Следует расширять применение наказаний, не связанных с лишением свободы, которые приносили бы пользу местному сообществу*	16 (15,1)	14 (13,2)	76 (71,7)	5,4 (1,7)	,67
КМО	,53				
Альфа Кронбаха	,57				

* Перед проведением факторного анализа ответы были перекодированы в обратном порядке.

Независимые переменные. Для проверки того, имеется ли взаимосвязь между репрессивными настроениями преподавателей и их восприятием уровня преступности («Рост преступности») и опытом виктимизации («Виктимизация»), в анкету были включены вопросы, позволяющие выявить их мнение о криминальной ситуации, а также о том, были ли они или члены их семьи жертвами какого-либо преступления в последние 10 лет. Для оценки различий степени суровости респондентов в зависимости от их представлений о природе преступности использовались вопросы, включенные в шкалы «Ситуация» (3 вопроса, $\alpha = 0,54$), «Выбор» (2 вопроса, $\alpha = 0,32$) и «Ценности» (2 вопроса, $\alpha = 0,54$). Высокие показатели по первой шкале свидетельствуют о том, что респондент придерживается мнения о том, что корни преступности находятся в той ситуации, в которой рос и

воспитывался правонарушитель, или в социальных проблемах (бедность, безработица, социальное неравенство и т. п.). Высокий средний балл по шкале «Выбор» свидетельствовал о склонности респондента рассматривать индивида как обладающего свободой воли, а преступление как результат реализации свободного выбора. Третья шкала «Ценности» выявляла позицию индивида относительно утверждений о том, что отсутствие дисциплины, уважения к старшим, утрата ценностных ориентиров приводят к преступлению. В качестве еще одной независимой переменной выступало мнение респондента относительно невозможности исправления правонарушителя («Невозможность исправления»). В качестве независимых переменных были также использованы три социально-демографические характеристики респондентов — пол, возраст и город проживания.

Таблица 3

**Бета-коэффициенты и нормированный R-квадрат для регрессионного анализа,
предсказывающего репрессивные установки граждан**

<i>Зависимая переменная</i>	<i>Репрессивность</i>			
	<i>В</i>	<i>Std. Err</i>	β	<i>t</i>
<i>Независимые переменные</i>				
Возраст	-1,39	0,74	-0,25	-1,88†
Пол (женский = 1, мужской = 0)	1,08	1,34	0,12	0,42
Рост преступности	0,29	1,17	0,03	0,24
Виктимизация	1,94	1,10	0,23	1,76†
Город (Москва и СПб = 1, остальные = 0)	0,56	1,04	0,06	0,54
Ситуация	-0,68	0,20	-0,44	-3,48*
Выбор	0,41	0,24	0,24	1,74†
Ценности	0,10	0,21	0,06	0,49
Невозможность исправления	0,30	0,29	0,12	1,03
Нормированный R ²	,18			

Примечание: † $p < ,10$; * $p < ,05$.

Результаты. Для ответа на исследовательские вопросы о том, какие факторы связаны с репрессивными настроениями преподавателей уголовного права и криминологии, проводился линейный регрессионный анализ по методу наименьших квадратов. Результаты статистического анализа представлены в таблице 3.

Проведенный анализ позволил выявить, что в меньшей степени склонны придерживаться репрессивных взглядов респонденты более старшего возраста, а также те преподаватели, которые полагают, что причинами преступности являются социальные факторы. Желание строго покарать правонарушителя возникает у тех, кто имеет опыт виктимизации, а также полагает, что преступление — результат реализации свободного выбора. Нам не удалось выявить статистически значимой связи между репрессивными установками и иными факторами. Мы не можем сказать, что пол, место проживания, убежденность в том, что преступность растет, каким-либо образом влияют на взгляды относительно суровости наказания. Не была обнаружена и стати-

стически значимая связь между мнением респондентов о том, что рост преступности обусловлен моральным упадком, и их карательными установками. Сомнение в том, что преступник может исправиться, также не приводит к желанию покарать его более сурово.

В определенной части наши выводы соответствуют тем, которые были получены в других странах. Например, еще в 1985 г. в работе Ф. Каллена и других криминологов было показано, что люди, придерживающиеся детерминистских взглядов о природе преступности, менее репрессивны, чем те, кто возлагает ответственность всецело на правонарушителя [8, с. 318–322]. Вместе с тем в этой же работе не было выявлено влияния эффекта опыта виктимизации и страха перед преступностью на установки в отношении наказания.

Безусловно, к полученным результатам надо относиться с осторожностью. Прежде всего, объем выборки был достаточно невелик, что могло сказаться на результатах регрессионного анализа. Кроме того, выборка не была случайной, что не позволяет

сделать вывод о ее репрезентативности. На ее основе мы не можем сделать вывод о том, какие взгляды характерны для основной массы преподавателей уголовного права и криминологии. Вместе с тем наша работа, являясь одним из первых исследований проблемы репрессивности и устано-

вок в отношении наказания, создает основу для дальнейших исследований в данной области. В частности, было бы интересным выяснить, насколько взгляды преподавателей формируют представления будущих юристов о необходимости либерализации или ужесточения уголовной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурильская А. Л.* Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 400 с.
2. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. *Ларионова Л. А., Жданко Т. А.* Взаимодействие в системе «преподаватель — студент» как условие формирования профессиональных ценностей // *Magister Dixit: научно-педагогический журнал Восточной Сибири.* 2014. № 3 (15). С. 74–80.
4. *Applegate B. K., Cullen F. T., Fisher B. S.* Public views toward crime and correctional policies: Is there a gender gap? // *Journal of Criminal Justice.* 2002. Vol. 30. № 2. P. 89–100.
5. *Bynum T. S., Greene J. R., Cullen F. T.* Correlates of legislative crime control ideology // *Criminal Justice Policy Review.* 1986. Vol. 1. № 3. С. 253–267.
6. *Carvalho H., Chamberlen A.* Why punishment pleases: Punitive feelings in a world of hostile solidarity // *Punishment & Society.* 2018. Vol. 20. № 2. P. 217–234.
7. *Costelloe M. T., Chiricos T., Gertz M.* Punitive attitudes toward criminals: Exploring the relevance of crime salience and economic insecurity // *Punishment & Society.* 2009. Vol. 11. № 1. P. 25–49.
8. *Cullen F. T., Clark G. A., Cullen J. B., Mathers R. A.* Attribution, salience, and attitudes toward criminal sanctioning // *Criminal Justice and Behavior.* 1985. Vol. 12. № 3. P. 305–331.
9. *Cullen F. T., Fisher B. S., Applegate B. K.* Public opinion about punishment and corrections // *Crime and justice.* 2000. Vol. 27. P. 1–79.
10. *Cullen F. T., Bynum T. S., Garrett K. M., Greene J. R.* Legislator ideology and criminal justice policy: Implications from Illinois // *The politics of crime and criminal justice.* 1985. P. 57–76.
11. *Falco D. L., Martin J. S.* Examining punitiveness: assessing views toward the punishment of offenders among criminology and non-criminology students // *Journal of Criminal Justice Education.* 2012. Vol. 23. № 2. P. 205–232.
12. *Flanagan T. J., Cohen D., Brennan P. G.* Crime control ideology among New York State legislators // *Legislative Studies Quarterly.* 1993. P. 411–422.
13. *King A., Maruna S.* Is a conservative just a liberal who has been mugged? Exploring the origins of punitive views // *Punishment & Society.* 2009. Vol. 11. № 2. P. 147–169.
14. *Lambert E. G.* Assessing the crime and punishment views of criminal justice majors: How different are they from other majors? // *Criminal Justice Studies.* 2004. Vol. 17. № 3. P. 245–257.
15. *Mackey D. A., Courtright K. E.* Assessing punitiveness among college students: A comparison of criminal justice majors with other majors // *Criminal Justice Studies.* 2000. Vol. 12. № 4. P. 423–441.
16. *Maruna S., King A.* Once a criminal, always a criminal? ‘Redeemability’ and the psychology of punitive public attitudes // *European Journal on Criminal Policy and Research.* 2009. Vol. 15. № 1-2. P. 7–24.
17. *McGarrell E. F., Flanagan T. J.* Measuring and explaining legislator crime control ideology // *Journal of Research in Crime and Delinquency.* 1987. Vol. 24. № 2. P. 102–118.
18. *Pickett J. T., Baker T.* The pragmatic American: Empirical reality or methodological artifact? // *Criminology.* 2014. Vol. 52. № 2. P. 195–222.
19. *Ridener R., Kuehn S.* College education, major, or criminology classes? An examination of what drives students’ level of punitiveness // *Criminal Justice Studies.* 2017. Vol. 30. № 1. P. 1–16.
20. *Roberts J. V., Stalans L. J., Indermaur D., Hough M.* Penal populism and public opinion: Lessons from five countries. Oxon: Oxford University Press, 2002.

21. *Shelley T. O. C., Waid C. A., Dobbs R. R.* The influence of criminal justice major on punitive attitudes // *Journal of Criminal Justice Education*. 2011. Vol. 22. № 4. P. 526–545.
22. *Tajalli H., De Soto W., Dozier A.* Determinants of punitive attitudes of college students toward criminal offenders // *Journal of Criminal Justice Education*. 2013. Vol. 24. № 3. P. 339–356.
23. *Unnever J. D., Cochran J. K., Cullen F. T., Applegate B. K.* The pragmatic American: Attributions of crime and the hydraulic relation hypothesis // *Justice Quarterly*. 2010. Vol. 27. № 3. P. 431–457.
24. *Unnever J. D., Cullen F. T., Applegate B. K.* Turning the other cheek: Reassessing the impact of religion on punitive ideology // *Justice Quarterly*. 2005. Vol. 22. № 3. P. 304–339.
25. *Unnever J. D., Cullen F. T., Jones J. D.* Public support for attacking the “root causes” of crime: The impact of egalitarian and racial beliefs // *Sociological Focus*. 2008. Vol. 41. № 1. P. 1–33.

REFERENCES

1. *Gurinskaya A. L.* Anglo-amerikanskaya model preduprezhdeniya prestupnosti: kriticheskiy analiz: monografiya. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2018. 400 s.
2. *Dyurkgeym E.* O razdelenii obschestvennogo truda. M.: Kanon, 1996. 432 s.
3. *Larionova L. A., Zhdanko T. A.* Vzaimodeystvie v sisteme «prepodavatel — student» kak uslovie formirovaniya professionalnykh tsennostey // *Magister Dixit: nauchno-pedagogicheskiy zhurnal Vostochnoy Sibiri*. 2014. № 3 (15). S. 74–80.
4. *Applegate B. K., Cullen F. T., Fisher B. S.* Public views toward crime and correctional policies: Is there a gender gap? // *Journal of Criminal Justice*. 2002. Vol. 30. № 2. P. 89–100.
5. *Bynum T. S., Greene J. R., Cullen F. T.* Correlates of legislative crime control ideology // *Criminal Justice Policy Review*. 1986. Vol. 1. № 3. C. 253–267.
6. *Carvalho H., Chamberlen A.* Why punishment pleases: Punitive feelings in a world of hostile solidarity // *Punishment & Society*. 2018. Vol. 20. № 2. P. 217–234.
7. *Costelloe M. T., Chiricos T., Gertz M.* Punitive attitudes toward criminals: Exploring the relevance of crime salience and economic insecurity // *Punishment & Society*. 2009. Vol. 11. № 1. P. 25–49.
8. *Cullen F. T., Clark G. A., Cullen J. B., Mathers R. A.* Attribution, salience, and attitudes toward criminal sanctioning // *Criminal Justice and Behavior*. 1985. Vol. 12. № 3. P. 305–331.
9. *Cullen F. T., Fisher B. S., Applegate B. K.* Public opinion about punishment and corrections // *Crime and justice*. 2000. Vol. 27. P. 1–79.
10. *Cullen F. T., Bynum T. S., Garrett K. M., Greene J. R.* Legislator ideology and criminal justice policy: Implications from Illinois // *The politics of crime and criminal justice*. 1985. P. 57–76.
11. *Falco D. L., Martin J. S.* Examining punitiveness: assessing views toward the punishment of offenders among criminology and non-criminology students // *Journal of Criminal Justice Education*. 2012. Vol. 23. № 2. P. 205–232.
12. *Flanagan T. J., Cohen D., Brennan P. G.* Crime control ideology among New York State legislators // *Legislative Studies Quarterly*. 1993. P. 411–422.
13. *King A., Maruna S.* Is a conservative just a liberal who has been mugged? Exploring the origins of punitive views // *Punishment & Society*. 2009. Vol. 11. № 2. P. 147–169.
14. *Lambert E. G.* Assessing the crime and punishment views of criminal justice majors: How different are they from other majors? // *Criminal Justice Studies*. 2004. Vol. 17. № 3. P. 245–257.
15. *Mackey D. A., Courtright K. E.* Assessing punitiveness among college students: A comparison of criminal justice majors with other majors // *Criminal Justice Studies*. 2000. Vol. 12. № 4. P. 423–441.
16. *Maruna S., King A.* Once a criminal, always a criminal? ‘Redeemability’ and the psychology of punitive public attitudes // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2009. Vol. 15. № 1-2. P. 7–24.
17. *McGarrell E. F., Flanagan T. J.* Measuring and explaining legislator crime control ideology // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1987. Vol. 24. № 2. P. 102–118.
18. *Pickett J. T., Baker T.* The pragmatic American: Empirical reality or methodological artifact? // *Criminology*. 2014. Vol. 52. № 2. P. 195–222.
19. *Ridener R., Kuehn S.* College education, major, or criminology classes? An examination of what drives students’ level of punitiveness // *Criminal Justice Studies*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 1–16.

20. Roberts J. V., Stalans L. J., Indermaur D., Hough M. Penal populism and public opinion: Lessons from five countries. Oxon: Oxford University Press, 2002.

21. Shelley T. O. C., Waid C. A., Dobbs R. R. The influence of criminal justice major on punitive attitudes // Journal of Criminal Justice Education. 2011. Vol. 22. № 4. P. 526–545.

22. Tajalli H., De Soto W., Dozier A. Determinants of punitive attitudes of college students toward criminal offenders // Journal of Criminal Justice Education. 2013. Vol. 24. № 3. P. 339–356.

23. Unnever J. D., Cochran J. K., Cullen F. T., Applegate B. K. The pragmatic American: Attributions of crime and the hydraulic relation hypothesis // Justice Quarterly. 2010. Vol. 27. № 3. P. 431–457.

24. Unnever J. D., Cullen F. T., Applegate B. K. Turning the other cheek: Reassessing the impact of religion on punitive ideology // Justice Quarterly. 2005. Vol. 22. № 3. P. 304–339.

25. Unnever J. D., Cullen F. T., Jones J. D. Public support for attacking the “root causes” of crime: The impact of egalitarian and racial beliefs // Sociological Focus. 2008. Vol. 41. № 1. P. 1–33.

Ю. Б. Шубников, Н. И. Пристанскова

**К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ ПРАВ
УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В статье осуществлена попытка теоретического и методологического рассмотрения законодательного регулирования отношений по поводу защиты прав участников образовательной практики в нашей стране. Авторами осуществлена систематизация способов защиты права на образование, даны характеристика данного права и особенностей его защиты.

Ключевые слова: образовательный процесс, право на образование, защита и охрана прав, меры защиты, меры ответственности, дисциплинарные взыскания, административная ответственность, гражданская ответственность.

Yu. Shubnikov, N. Pristanskova

**ON THE ISSUE OF PROTECTING THE RIGHTS
OF PARTICIPANTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS:
A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS**

The article endeavours to provide a theoretical and methodological review of laws and regulations that protect the rights of participants in Russia's education system. It describes the right to education, classifies the remedies that serve to protect it and explains the unique features of these remedies.

Keywords: educational process, the right to education, protection of rights, legal remedies, penalties, disciplinary actions, administrative responsibility, civil responsibility.

В соответствии со ст. 2 закона «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон) образование — это «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах

человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного,